

ТЕНЬ ГОБЛИНА

Роман

От автора:

Все персонажи и события, описанные в романе, вымышлены, а совпадение имен и фамилий является случайным.

Часть первая

МЕЖЛИЗЕНЬ

I

Слова живут дольше людей. Вроде, бестелесный звук. Тьфу! Пустое сотрясение воздуха. А гляди ты — годы, века, тысячелетия прошелестели над скорбным шаром нашей планеты, миллионы нам подобных погрузились в бездны земли, проросли травой и деревьями, сгодившимися для питания и строительства жилищ иных поколений, а слово, это дрожащее марево в нашей гортани, продолжает свое бессмертное существование...

За широкими окнами, занимающими всю стену, беззвучно плыли аккуратно выкрашенные зеленой краской крыши. Несмотря на свою армейскую одинаковость, крыши были разномастными, с индивидуальными изломами и какими-то особыми выкрутасами. Так теперь уже не строят, разве что на новых дачах, облепивших в последнее время Москву, как присоски гигантских щупальцев. Крыши, словно изумрудные волны окаменевшего водоема, застыли причудливыми горбами, изломами впадин, за которыми изредка, как незагоревшая полоска тела, вожделенно блеснет на солнце белая штукатурка стены. Крыши этих дышащих властью зданий, не натываясь друг на друга, уже несколько веков не меняют своих привычных очертаний и в молчаливой покорности обрываются у самых кремлевских стен.

Крыши Старой площади до шестидесятых годов толком никто и не разглядывал, разве что с редких колоколен чудом уцелевших храмов чекист с оловянными глазами по-хозяйски строго бросит прилипчивый взгляд на подотчетное ему надчердачное пространство или раззява-птица по непростительной глупости одинокой тенью скользнет над мертвым морем таинственного квартала третьего Рима.

Все свое великолепие крыши явили не лишенному чувственности чиновничеству после спорного, если не сказать скандального, строительства серой от стекла и бетона высоты шестого подъезда, вход в которую располагается со стороны Ильинки. Человека, впервые подошедшего к окну последнего этажа этого безликого достижения архитектуры и с высоты птичьего полета глянувшего на чудо преддверия Кремля, охватывал ни с чем не сравнимый мистический трепет. За доли секунды, как перед смертью или вратами рая, перед его внутренним взором пролетала жизнь. Мельчайшие пылинки ее образов, знаковые события выстраивались в четкий, упорядоченный ряд и представляли собой уже некое подобие лестницы, спиралью тянувшейся из беспробудного мрака общенародного небытия в ослепляющую голубизну державного света персональной власти. Ощущение небожительства, данное еще при жизни, переполняло человеческое естество, рождало внутри некую ни с чем не сравнимую гордость за личную причастность к чему-то невидимому, всеильному и непостижимо страшному.

Именно эти чувства и испытывал, стоя у окна своего кабинета, Малюта Максимович Скураш.

Заветные мечты и тайные помыслы, как правило, сбываются неожиданно: уже, кажется, и забыл про них, перегорел, переболел и давно проглотил надсадно-горький привкус несбывшегося, и вдруг — на тебе — привалило! Да еще как! Ты, недавно безродный, полурастоптанный жизнью и осатаневшим бытом человечешка российской действительности, возносишься неведомой силой в грозные чертоги преисподней власти.

Тут бы, казалось, в самую пору и воскликнуть: «Чур меня! Чур!» — и попытаться остановиться, сгрести свое вздыбившееся «я» в охапку, отдышаться и сделать попытку сохранить в себе право называться простым человеком. Но мало кому это удается, уж так склеена и устроена система, которую мы называем властью. Оторопь нечаянной радости взлета проходит быстро, и место осторожной почтительности заполняет душевная слепота и спесь.

Про слепоту Малюта еще не догадывался, он бесстрашно плавал в волнах своего воображения, наэлектризованного эйфорией только что состоявшегося назначения.

«Эх, жаль, отец не дожил, вот бы порадовался: ишь, куда занесло его семья», — с оттенком легкой грусти подумал новый насельник кабинета, усилием воли заставляя себя отойти от пролома огромного окна.

Сделав пару шагов, он все же не выдержал и обернулся. Крыш уже не было видно, во все окно от края и до края, словно гигантская нижняя челюсть, с неровными, красными от кариеса зубами и непропорционально огромными клыками башен, тянулась кремлевская стена. Красные рубины без внутренней подсветки казались рваными кусками недоеденного мяса, заветренного осенним утром. Над всем этим, будто гигантская летающая тарелка, пылала трехцветным флагом огромная в своей несуразности куполообразная крыша.

Малюта Максимович оцепенел от неожиданности: «Вот оно, только протяни руку, сделай шаг — и ты уже там, за зубьями!» Он вскочил со стула и засновал по кабинету, не спуская глаз с раздвоенных, как ласточкины хвосты, зубцов.

В дверь постучали.

— Да, входите, — с облегчением выдохнул Малюта и остановился перед беззвучно растворяющейся дверью.

— Малюта Максимович, вы, конечно, извините, — являя годами натренированное смущение, произнесла довольно привлекательная женщина лет тридцати. — Я — сотрудник секретариата Инга Мрозь.

— Очень рад познакомиться в свой первый рабочий день с приятным человеком, особенно если этот человек — очаровательная женщина, — поднося к губам узкую, не лишенную изыска руку, произнес возвращенный к реальности Скураш.

— Спасибо за комплимент.

— Инга, вы меня обижаете! Какие комплименты при исполнении служебных обязанностей? Я просто как госслужащий госслужащему обязан был сказать правду. И не более.

Оторопев от первых напористых слов, в которых, как стальные перья зазвякали командные нотки, женщина к концу монолога рассмеялась.

— Да, Малюта Максимович, нас предупреждали о вашей неординарности.

— Интересно, кто этот ординарец, сеющий в юных и трепетных душах столь лестные моему сердцу слухи? Немедленно отвечайте, Инга, иначе...

— Товарищ Скураш, — стерев с лица улыбку и привычным движением одернув борта темно-синего пиджака, призванного, по всей видимости, подчеркнуть заманчивость перехода талии в бедро и с особым цинизмом выделить рвущиеся наружу мячики груди, которым явно не хватало места под ослепительно белой рубашкой, с явной обидой в голосе произнесла женщина. — Возможно, я для вас мелкий клерк, но как госслужащий госслужащему имею право сказать...

Ее серо-зеленые глаза постепенно напитывались стылостью осенней воды, голос слегка подрагивал, и если бы не едва уловимые искорки, блуждающие где-то глубоко внутри зрачков, это возмущение можно было бы принять за чистую монету. Входя в роль, Инга, в притворно гневном вздохе набрав в легкие побольше воздуха, готова была продолжить монолог обиженной подчиненной, призванный, по ее разумению, произвести на этого сорокадвухлетнего мужика особое впечатление, ставящее их дальнейшее поведение на интригующую грань неслужебных возможностей.

Скураш, воспитанный армейской средой и с курсантских времен усвоивший аксиому «прекрасное это женщина», сразу включился в предложенную ему игру. Накопленный годами опыт и природный азарт исключали, как ему казалось, возможность промаха, надо было только не торопиться и дожидаться, когда навязываемая тебе игра наскучит ее инициатору. Инга продолжала что-то обиженно говорить и сама от этого заводилась.

«А она и вправду хорошенькая. Только вот на хрена вся эта комедия?... Хотя, если комедию ломают, значит, это кому-то нужно».

Сделав сей почти философский вывод и вдруг решительно взяв женщину за плечи, Малюта приблизил ее лицо к своему на то опасное расстояние, когда отчетливо проявляются тонкие штрихи макияжа и становится очевидным истинное предназначение духов, усиленных теплом и запахом кожи, а окружающий мир готов вот-вот раствориться в отражающих друг друга широко открытых глазах.

Инга от неожиданности вздрогнула, видимо, не ожидая такого поворота. Ее глаза, уже утратив напускную свинцовость, выражали искреннее удивление, смятение и лукавое любопытство. «Вот будет забавно, если он меня прямо сейчас и трахнет...» — с усмешкой подумала она, но потом, превозмогая уже начавшую разливаться по телу истому, выдохнула:

— Однако странная у вас манера знакомиться с подчиненными, Малюта Максимович. А если кто-нибудь войдет?

— Менять манеры мне уже поздновато, тем более что вы сами спровоцировали меня на сие безумство, а безумству храбрых, как известно, поем мы песню, — с явной неохотой он отпустил уже начавшие подрагивать плечи. — Так чем я обязан столь взволновавшему мою кровь и воображение визиту?

— Действительно, как-то все глупо получилось, вы меня извините...

— Не стоит, ибо нет ничего более привлекательного, чем взаимная глупость, а уж ежели она родилась, не будем ее торопить, пусть все идет своим чередом. Но я вас внимательно слушаю.

— Да нет ничего срочного, просто в мои обязанности входит проведение консультаций вновь назначенных сотрудников Совета. Знаете, в администрации существует уйма документов и инструкций, регламентирующих порядок внутренней жизни. Порой эти документы очень старые, некоторые подписаны еще чуть ли не Сталиным, а вот, невзирая на преклонный возраст, продолжают действовать.

— Так вы главный специалист по номенклатуре?

— Опять вы шутите. И, заметьте, на весьма щекотливую тему. Номенклатуры сегодня, кстати, нет, вернее, вроде как нет, но старые инструкции остались, а в них расписано, что и кому положено. Поэтому, чтобы облегчить вашу жизнь и предупредить возможные конфузы в будущем, наберитесь терпения и послушайте меня...

2

Осеннее небо медленно тускнело, набирая дышащий бездной свинец будущих холодов, и только на западе ослепительно зияло страшным проломом с рваными краями. Столб яркого и оттого почти нереального света, клубясь в вечерней дымке, падал из этой дыры отвесно вниз, упирался в покатым холм, не давал небу окончательно навалиться на окрестные дачные поселки и, перетерев их в мелкую, как сажа, пыль, выплеснуть в мир мрак безлунной ночи.

Фигура человека на фоне этой игры света казалось почти нереальной, и, если бы не витые балясины перил выходящей прямо в сад веранды, ее вполне можно было принять за оптический обман, рожденный закатом и нашим воображением. Облачко табачного дыма окутывало его голову и каким-то удивительным образом притягивало к себе малую толику того далекого небесного света, отчего походило на отливающий золотом нимб.

Скураш подчеркнуто вежливо сидел в глубине комнаты у растерзанного трапезой стола, смотрел на спину курящего и старался силой воли подавить в себе легкое опьянение. Он знал, что после таких аутогенных практик наутро будет раскалываться голова, и любые, даже самые незначительные, раздражители повлекут за собой приступы агрессивности или меланхолии.

Однако именно сегодня новоиспеченному начальнику управления Совета национальной стабильности необходимы были трезвые мозги. Мысли с токами крови, разогретой выпивкой, требовательно стучали в висках. Услышанное не укладывалось в рамки привычного, и оттого внутри все сжималось, рождало азарт и сладкое предчувствие нового, неизвестного, требующего от Малыты полной самоотдачи, работы до изнеможения. Кто хоть однажды по-настоящему любил, тому известно это магическое чувство полного саморастворения и усталости, которое вызывает неописуемый прилив новых сил и жажду дальнейшей деятельности, сравнимую разве что с вдохновением художника.

«Ты опять поплыл, нимб над головой у отпетого грешника причудился, ты бы еще апостола Павла с сигаретой в зубах и в генеральском мундире нагрезил, благодари Бога, что твоих мыслей жена не слышит».

Он на минуту представил скептически улыбающееся лицо Екатерины, ее насмешливые огромные глаза, в которых когда-то с первого раза увяз да так и остался там на всю жизнь. Жили они с женой, если смотреть со стороны, хорошо, вызывая стабильную зависть окружающих, правда, раз в несколько лет, случалось, крепко ругались и порывались во что бы то ни стало развестись, но потом все как-то само собой устаканивалось, возвращалось на круги своя, обретая знакомые контуры милой привычной жизни.

Как и у каждой семьи, у Скурашей были свои годами делящиеся споры и предметы вечных разборок. Одной из таких «продленок» был фундаментальный вопрос о личной преданности, даже, скорее, фатальной привязанности мужа к своим начальникам. Малыта был уверен, что без этого граничащего с фанатизмом чувства не может быть настоящей работы, настоящего большого дела. Катя же, видя его мучения после каждого разочарования в очередном кумире, которого он с таким трудом годами создавал себе, повинувшись обычному женскому эгоизму, пилила его за напрасную трату нервов и сил, а главное — за недонесенные в дом деньги.

Поспорить с женой, пусть даже мысленно, Скурашу не дали.

— Малыта Максимович, — заставив вздрогнуть, прервал его размышления беззвучно, как привидение, проскользнувший в комнату руководитель секретариата Совнацстаба Лаврентий Михайлович Обрушко, — давно сидите?

В этом нехитром, казалось бы, вопросе для опытного уха чиновника угадывался целый рой отголосков старых интрижек, ревности, естественного страха быть обойденным, оболганным и, конечно же, непрекращающейся борьбы за доступ к телу начальника. Если бы кто-то всесильный смог хотя бы на несколько часов заглянуть в черепные коробки служащих высших государственных учреждений страны, он бы ужаснулся. Львиная доля напряженных усилий маленьких клеток серого вещества госчиновников уходила на придумывание и разгадывание сложнейших многоходовок и головоломок годами делящихся интриг и борьбы различных группировок за место под номенклатурным солнцем. Чем меньше конкретных и необходимых для страны дел выдавали на-гора управление, институт, группа, команда, тем сильнее и долговечнее они были, потому что не тратили драгоценное время на пустяки, а жили чистой интригой, целью которой было одно — самосохранение и круговая порука.